

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6640780>

УДК 82-32

Гулаева Д.А.

Гулаева Диана Ахсарбековна, Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46. E-mail: karamazow2015@yandex.ru.

Философия революции в творчестве Б.Л. Пастернака

Аннотация. В данной статье анализируется творческое наследие поэта Б.Л. Пастернака в плане переосмысления отношения к революции и освобождения от идеологических догм. Научная новизна заключается в раскрытии особенностей новых творческих форм в поэзии Б.Л. Пастернака, в исследовании жанровых форм его лирики в процессе изображения революционных событий. В ходе исследования определено, что в революции Б.Л. Пастернак видел проявление несовершенства человеческой жизни, ибо она несет бурю, хаос, болезни, разрушает привычный уклад, препятствует лирическому самовыражению, пренебрегает настоящим, устремлена в будущее. Вместе с тем в ней органически сочетается вечное и мимолетное, которые ведут человечество к новому познанию жизни. Основные результаты заключаются в следующем: раскрыта проблематика определения места интеллигенции в период революционных событий в поэзии Б.Л. Пастернака, выявлено своеобразие проявления лирического героя, изучено отражение влияния революционной эпохи на художника.

Ключевые слова: метафора, художественная форма, художественный образ, строфа, поэма, лирический герой.

Gulaeva D.A.

Gulyaeva Diana Akhsarbekovna, North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, 362025, Vladikavkaz, Vatutina str., 44-46. Email: karamazow2015@yandex.ru.

The Philosophy of Revolution in the works of B.L. Pasternak

Abstract. This article analyzes the creative legacy of the poet B.L. Pasternak on the subject of rethinking the attitude to the revolution and liberation from ideological dogmas. The scientific novelty lies in the disclosure of the features of new creative forms in the poetry of B.L. Pasternak, in the study of genre forms of his lyrics in the process of depicting revolutionary events. In the course of the study, it was determined that in the revolution B.L. Pasternak saw a manifestation of the imperfection of human life, because it brings a storm, chaos, diseases, destroys the usual way of life, hinders lyrical self-expression, neglects the present, aspires to the future. At the same time, it organically combines the eternal and the fleeting, which lead humanity to a new knowledge of life. The main results are as follows: the problems of determining the place of the intelligentsia in the period of revolutionary events in the poetry of B.L. are revealed. Pasternak, revealed the peculiarity of the manifestation of the lyrical hero, studied the reflection of the influence of the revolutionary era on the artist. This article analyzes the creative legacy of the poet B.L. Pasternak on the subject of rethinking the attitude to the revolution and liberation from ideological dogmas. The scientific novelty lies in the disclosure of the features of new creative forms in the poetry of B.L. Pasternak, in the study of genre forms of his lyrics in the process of depicting revolutionary events. In the course of the study, it was determined that in the revolution B.L. Pasternak saw a manifestation of the imperfection of human life, because it brings a storm, chaos, diseases, destroys the usual way of life, hinders lyrical self-expression, neglects the present, aspires to the future. At the same time, it organically combines the eternal and the fleeting, which lead humanity to a new knowledge of life. The main results are as follows: the problems of determining the place of the intelligentsia in the period of revolutionary events in the poetry of B.L. Pasternak are revealed, the pecu-

liarity of the manifestation of the lyrical hero is revealed, the reflection of the influence of the revolutionary era on the artist is studied.

Key words: metaphor, artistic form, artistic image, stanza, poem, lyrical hero.

Б.Л. Пастернак вошел в русскую литературу как абсолютно новое поэтическое явление, которое нельзя отождествлять с русским декадентством в литературе того времени. Поэзия для него была единственным убежищем, спасением от обывательской трясины и серости. Б.Л. Пастернаку удалось не только найти для своего авторского самовыражения новое содержание, но и реализовать его в оригинальной творческой форме. Его поэзия способна удерживать неудержимое, запечатлеть жизненные мгновения человека или природы.

Творчество Б.Л. Пастернака стало настолько значимым явлением, что рассматривается не только на фоне сопутствующей его творчеству эпохи русского поэтического декадентства, но и как составная часть гораздо более широкой палитры поэтического творчества на рубеже XIX-XX веков. Б.Л. Пастернак намеренно расщепляет свое творческое сознание, манипулирует художественной формой, порой перегружает язык метафорами, выстраивает сложные многогранные художественные образы – такова специфика авторского пастернаковского стиля.

Чередой революций, длительная и жестокая братская междоусобица, окончательно победившая (на тот период) в октябре, детерминировали новый облик поэзии. Эмоциональное самовыражение, отражение личностных переживаний в поэзии подвергались жесткому ревизионизму, что фактически привело к их упразднению. Основным для героя эпического произведения становится вопрос о том, как он должен поступить в интересах спасения революции и развития нового государства.

В этот период в творчестве Б.Л. Пастернака происходит переосмысление судьбоносных событий в жизни страны, которое осуществляется в рамках поиска новых путей развития поэтического искусства. В числе произведений, где новый

путь развития страны декларируется как высшая ценность не только регионального, а всемирного масштаба, – поэмы Б.Л. Пастернака – «Высокая болезнь», «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт».

В поэме Б.Л. Пастернака «Высокая болезнь», являющейся предметом рассмотрения в данной статье, наиболее явно проявилось стремление к поиску новых творческих форм, в которых планировалось отражение самых актуальных и судьбоносных событий новейшей истории в контексте личности поэта.

О напряженной творческой работе свидетельствует наличие двух редакций (1923 г., 1928 г.), которые конкурировали в печати. Животрепещущие события не давали поэту возможности осознать их полно и правильно сразу, на что указывал сам Б.Л. Пастернак. Речь идет о появляющихся новых вставках в первоначально опубликованный вариант, кроме того, была переделана концовка поэмы, в которой личности В.И. Ленина было уделено гораздо более пристальное внимание.

М.Л. Гаспаров, оценивая жанровое своеобразие поэмы «Высокая болезнь», обозначал ее как «лирическое произведение, трудно сгущающееся в эпическое» [2, с. 64]. В свою очередь Н.А. Фатеева считает, что поэма «Высокая болезнь» представляет собой «стадию начала развития эпического начала, особого визуального эпоса, обладающего совокупностью лирического объема, используемого в эпическом содержании. Несмотря на то, что герой эпического произведения понимает абсурдность происходящего вокруг и тратит усилия на то, чтобы донести это видение до окружающих и «разбудить» их. При этом все устремления героя являются внешним выражением его внутренних душевных устремлений. Однако у Пастернака этого нет. У его героя нет новых мыслей, потому что они еще не сформировались у него. Старые же мысли ему уже не

подходят. Он находится в своеобразном смысловом вакууме» [4, с. 193]. Как раз на этот конфликт указывают слова, приведенные в самом начале поэмы: «Не верят, верят...», «Выходят, входят...» [3, т. 1, с. 273].

Очевидно, поэму «Высокая болезнь» следует определить как лиро-эпическое произведение, действие которого развивается в потоке сознания ее героя. Центральной проблемой анализируемой поэмы является определение места интеллигенции в революционном развитии. При этом показывается, что судьба интеллигенции неразрывно связана с революцией. Эта взаимосвязь раскрывается во всем ее драматизме, на фоне громких и судьбоносных событий эпохи, коренного перелома жизни этого периода – на фоне военных осад, стычек, митингов, суеты – хаотичности во всем вокруг. Действие поэмы развивается в страстной монологичной авторской речи, пронизанной пониманием сложности отразить лирическими средствами драматизм и масштабность текущего момента.

Слияние образа главного героя рассматриваемой поэмы с авторским «я» происходит в силу отождествления Б.Л. Пастернаком собственного будущего с судьбой революционной России. В этом соотношении автор подразумевает не только себя, но и целое поколение интеллигенции этой эпохи, для чего используется местоименная форма первого лица множественного числа.

Как первая, так и вторая редакции поэмы начинаются эпизодом падения крепости. Причем это падение происходит не в результате действия целенаправленных, организованных или стихийных сил, а в силу непреодолимых обстоятельств, ход которых предопределен естественным порядком вещей. Таким образом, Б.Л. Пастернак видит возникновение и развитие революции, когда «в крепости крошатся своды» [1, т. 1, с. 273]. Так описывается позиция автора, согласно которой ни одна из политических сил, включая и большевиков, не имеет отношения к зарождению и генезису революции. Силы же, верша-

щие революцию, являются не ее творцами, а ее продуктом. Те, кто находится в крепости, «не верят, верят, жгут огни», они питаются «китайской соей». В ту эпоху этот продукт активно потреблялся в пищу. При этом с целью отбить непривычный вкус, при его приготовлении использовалось огромное количество различных специй. Б.Л. Пастернак с фотографической точностью указывает на то, что приготавливался продукт на газетах в качестве растопки: «автор здесь абсолютно точен, а действительность глубоко символична» [1, с. 112].

Б.Л. Пастернак проявляет в поэме «Высокая болезнь» потрясающую способность предвидения. Так, он вспоминает об античном образе троянского коня. Говоря о революции, представляющей собой в первую очередь коренное преобразование жизни к лучшему, он говорит о проникших в жизнь вместе с новыми преобразованиями пугающих насилия и жестокости, чрезвычайного опошления быта.

В произведении есть фрагменты, посвященные поэзии и месту поэта в ней, кроме того, поднимается вопрос ответственного отношения творца-поэта к поэтическому искусству. Поэт в эпоху коренных перемен не имеет права оставаться только наблюдателем, в то время как большая часть творческой интеллигенции именно такова – занимает созерцательную позицию пассивного хроникера жизни:

Мне стыдно и день ото дня стыдней,
Что в век таких теней
Высокая одна болезнь
Еще зовется песнь.

Уместно ль песнью звать содом... [3, т. 1, с. 273]

Однако эпический герой страшится не только этого. Еще одним неискупимым грехом перед миром он считает созданием стихов на заказ:

Благими намереньями вымощен ад.
Установился взгляд,
Что, если вымостить ими стихи,
Простятся все грехи [3, т. 1, с. 273].

Имеет значение то, что сам автор считал необходимым поддерживать в своей поэзии возвышенную торжественную

музыкальность, сделать ее дифирамбичность общедоступной, понятной для широкого читателя. Поэт ратовал не только за революционную смену художественной формы, но также за утверждение иного восприятия предназначения поэта – не только как художника, но и как политической фигуры, оказывающей существенное влияние на развитие новой жизни.

Подобные воззрения сформировались у автора под воздействием эпохи, когда художник становится зависимым от внешних событий и не в силах сохранить безучастность. То же произошло и с близким другом самого автора – В.М. Маяковским. Б.Л. Пастернак сожалеет, что тот заблуждается, став на службу новой власти и превратившись в ее слепой рупор.

А сзади, в зареве легенд,
Дурак, герой, интеллигент
В огне декретов и реклам
Горел во славу темной силы.
Что потихоньку по углам
Его с усмешкой поносила
За подвиг... [3, т. 1, с. 275].

Здесь мы видим попытку пророчествовать о незавидном будущем поэта-рупора:

А сзади, в зареве легенд
Идеалист-интеллигент
Печатал и писал плакаты
Про радость своего заката [3, т. 1, с. 276].

Революционная эпоха лишает художника творческой свободы, заставляя его либо продвигать революционные догмы в стихах, либо молчать. В силу такого положения поэт, по мысли автора, лишь гость в этом мире, как и его творчество:

Гощу. Гостит во всех мирах
Высокая болезнь [3, т. 1, с. 276].

В последующем поэтическая дефиниция «гостя» станет лейтмотивом поэтического творчества Б.Л. Пастернака: в пиршестве «в вековом прототипе, на пире Платона во время чумы» его не покидает то же чувство: «Мы были музыкою мысли...» [3, т. 1, с.277].

Более конкретное определение слоя, к которому Б.Л. Пастернак принадлежит,

содержится в строфе, где повествование идет то от лица автора, то от лица поколения, непосредственно загнанного в гущу событий и терзаемого невозможностью что-либо изменить:

Мы были музыкой во льду.
Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.
Здесь места нет стыду [3, т. 1, с.276].

Б.Л. Пастернак не принял доминировавшие в ту пору в общественном сознании принципы революционной необходимости и классовости. Такое же отношение высказано в поэме и к разделению народа на «класс спрутов и рабочий класс». Классовая мораль и теория насильственного насаждения власти неприемлемы для поэта. Реальность, окружающая лирического героя, передается через образ России, темной и озверевшей, выменивающей атрибуты уютного домашнего быта интеллигенции:

Мы были музыкою чашек,
Ушедших кушать чай во тьму
Глухих лесов, косых замашек
И тайн, не лстящих никому [3, т. 1, с. 276-277].

Распродажа фамильных чайных сервизов стала обычной практикой для людей, пытавшихся хоть как-то выжить в стране, где:

...все окрест
Смотрело полным погорельцем,
Отказываясь наотрез
Когда-нибудь подняться с рельс [3, т. 1, с. 277].

Однако, несмотря на все беды и тяготы, Б.Л. Пастернаку в революции было дорого другое – то, что в «Высокой болезни» названо «дикой красотой»:

Там, как орган, во льдах зеркал
Вокзал загадкою сверкал,
Глаз не смыкал и горе мыкал
И спорил дикой красотой
С консерваторской пустотой
Времен ремонтов и каникул [3, т. 1, с. 276].

В этих строках возникает одна из главных, любимейших тем поэта, которая

свидетельствует о том, что Б.Л. Пастернака можно назвать прямым наследником А. Блока (а поэму «Высокая болезнь» – московским продолжением петроградской поэмы «Двенадцать»).

Самоощущение Б.Л. Пастернака сходно с блоковским в том смысле, что и в его представлении последняя правда о человечестве обнажается в кризисные и трагические эпохи. Но, в отличие от А. Блока, Б.Л. Пастернак встречает эти минуты не скорбной радостью обреченного, а ликованием христианина, чьи тайные догадки подтвердились. В гибели открывается источник блаженства, люди оказываются такими, какими были задуманы, они чисты и готовы к «взаимоспасению», и катастрофа уничтожает лишь случайное, пошлое, наносное.

В поэме в одном историческом пространстве «сталкиваются» два персонажа – поэт и герой времени. При этом появление второго тщательно подготовлено автором. Поэма начинается словами, в которых слово «ребус» является ключевым. С самого начала становится очевидным, что в дальнейшем речь пойдет о чем-то загадочном, непонятном, с какими-то намеками. Действительно, в процессе развития лирического сюжета внутренняя напряженность лирического героя «выплескивается» и расширяется с каждым новым фрагментом текста. Беспощадность века оправдывается переходным характером исторического процесса, управлять которым сложно, или даже невозможно. Постепенно вводящаяся в повествование атрибутика власти подготавливает появление правителя: девятый съезд Советов – день торжеств – театр – стенные газеты – карельский вопрос – гладкое голосование – кресла лож – железнодорожный мост – орлы двуглавые. В хаосе происходящих событий автор находится в смятении, пытаясь понять и принять настоящее. Неслучайно завершающий произведение фрагмент начинается строкой: «Чем мне закончить мой отрывок?» [3, т. 1, с. 279]. Необязательность завершения, которая выражена в этих словах, и несомненность окончания только подчер-

кивают несостоявшийся сюжет. Но для лирического героя определяющим является открытое выражение своего восприятия происходящего. У поэта и героя времени есть общее: они вместе с Веком больны «высокой болезнью» и их объединяет власть, которой они владеют по-разному. Но, в отличие от поэта, герой времени знает (или думает, что знает), как управлять течением жизни и «течением мысли». Трагический пафос повествования неожиданно сменяется иронической интонацией, с которой поэт передает свои ощущения от встречи с героем:

Я помню, говорю его
Пронзил мне искрами заговор,
Как шорох молнии шаровой [3, т.1,
с.279].

Образ великого правителя, художника революции, творца социализма, заставляющего целую страну подчиняться своей возвышенной мечте, настолько снижен в восприятии лирического героя, что появляются сомнения в его способности вывести страну из разрухи и хаоса и повести по той единственно верной дороге, которую так безуспешно пытались найти до него. Портрет героя времени также не соответствует его высокому статусу:

Он был как выпад на рапире.
Гонясь за высказанным вслед,
Он гнул свое, пиджак топыря
И пята передки штиблет [3, т. 1, с.
280].

Противопоставление лирического созерцания и социального действия образует пространство поэмы. Поэт бодрствует, видит, описывает. Герой времени действует: вырастает на трибуне, проскальзывает «неуследимо сквозь строй препятствий и подмог», управляет «течением мыслей». Читатель как бы соединяется с действием героя; поэт в данном случае выступает как транслятор энергии [1, с. 112].

Мотив «высокой болезни» у поэта соотнесен с мотивом болезни Земли:

Вот и ливень. Блеск водобоязни,
Вихрь, обрывки бешеной слюны.
Но откуда? С тучи, с поля, с Клязьмы

Или с сардонической сосны? [3, т. 1, с. 282]

Совершенно по-новому осмысливает Б.Л. Пастернак назначение поэта в период революционных событий. Ведь в поэзии под «высокой болезнью» он понимает лирику и искусство, которые в период революции воспринимаются совершенно иначе. Жизнь превращается в выживание, а перед поэтом стоит проблема утраты своей идентичности. Примечательно, что рассказчик в поэме демонстрирует безобразную послереволюционную обстановку:

Сосуший клекот лихолетья,
Тот, жженный на огне газеты,
Смрад лавра и китайских сой,
Революция изуродовала лик Москвы:
Я трезво шел по трезвым рельсам,
Глядел кругом, и все окрест
Смотрело полным погорельцем,
Отказываясь наотрез

Когда-нибудь подняться с рельс [3, т. 1, с. 283].

В поэме причудливо переплетено вечное и мимолетное. В философском смысле вечное и мимолетное не противопоставлены друг другу, а находятся в полном согласии, органически сопрягаются в поэтике автора, что отчетливо обнаруживается в стихотворении «Гроза моментальная навек» этот своеобразный оксюморон автор экстраполирует на образ Ленина, в котором сочетаются вечность и мимолетность:

Когда он обращался к фактам,
То знал, что, полоща им рот
Его голосовым экстрактом,
Сквозь них история орет [3, т. 1, с.

284].

В приведенном фрагменте подчеркивается «вечное», то есть историческое значение образа Ленина. В следующем же отрывке в данном образе акцентируется мимолетное:

И он заговорил. Мы помним
И памятники павшим чтим.
Но я о мимолетном. Что в нем

В тот миг связалось с ним одним? [3, т. 1, с. 284].

На страницах поэмы Б.Л. Пастернак показывает беспокойную переломную эпоху, делает вывод и о роли исторических личностей. Это трагическая хроника, в которой поэт сумел достоверно отобразить действительность первой трети XX в., передать настроение эпохи и заглянуть в недалекое будущее России.

Б.Л. Пастернака всегда волновали философские проблемы жизни и смерти, человеческого бытия, предназначения, отношения к природе, к миру. У него было весьма своеобразное отношение к революции, в которой он видел проявление несовершенства жизни – бурю, хаос, болезни. Неслучайно написанная в 1923 году посвященная революции поэма так и называется: «Высокая болезнь».

Революция под пером Б.Л. Пастернака – эпоха, разрушающая обычный жизненный уклад, создающая препятствия лирическому самовыражению, она лишена настоящего и полностью устремлена в будущее. Возникновение конфликта детерминировано сломом христианской человеколюбивой парадигмы, для которой сменяющая ее революция является антиподом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баевский В.С. Формы выражения авторского сознания в поэзии Верлена и Пастернака // Проблемы автора в художественной литературе. СПб.: Нева-Пресс, 2017. С.111-115.
2. Гаспаров М.Л. Рифма и жанр в стихах Пастернака // Пастернаковские чтения. Вып.2. М.: Наследие, 2018. С.63-71.
3. Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Новое время, 2017.
4. Фатеева Н. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 312 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baevskij V.S. Formy vyrazhenija avtorskogo soznanija v poezii Verlena i Pasternaka // Problemy avtora v hudozhestvennoj literature. SPb.: Neva-Press, 2017. S.111-115.
2. Gasparov M.L. Rifma i zhanr v stihah Pasternaka // Pasternakovskie chtenija. Vyp.2. M.: Nasledie, 2018. S.63-71.
3. Pasternak B. Sobranie sochinenij: v 5 t. M.: Novoe vremja, 2017.
4. Fateeva N. Pojet i proza: Kniga o Pasternake. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 312 s.

Поступила в редакцию 12.05.2022.

Принята к публикации 17.05.2022.

Для цитирования:

Гулаева Д.А. Философия революции в творчестве Б. Л. Пастернака // Гуманитарный научный вестник. 2022. №5. С. 109-115. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/05/Gulaeva.pdf>